

В.Я. Бутанаев. Хакасско-русский историко-этнографический словарь (Хоорай-орыс тархын-этнография сѳстiгi). Абакан, 1999. 238 с.

Этнографы и лингвисты, специалисты по культуре тюркоязычных народов Саяно-Алтая получили великолепный подарок - изданный в Абакане фундаментальный "Хакасско-русский историко-этнографический словарь". Автор словаря - заведующий кафедрой археологии, этнографии и исторического краеведения Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, профессор, доктор исторических наук Виктор Яковлевич Бутанаев - несомненно, хорошо известен всем отечественным тюркологам своими многочисленными исследованиями по истории и этнографии хакасов¹. Рецензируемый труд стал итогом более чем 30-летней напряженной работы. Постоянные экспедиционные разъезды по всей Хакасии и прилегающим к ней территориям (В.Я. Бутанаев работал в поле у чулымских татар, телеутов, шорцев, челканцев, тувинцев) в поисках знатоков традиционной культуры, встречи с десятками информаторов, сотни исписанных полевых тетрадей и сотни метров магнитных лент с аудиозаписями. А еще - любовь к своему делу и своему народу. Все это позволяет более или менее верно представить невероятно большой объем работы, предшествовавшей появлению этого словаря.

В словарь включено около четырех тысяч заглавных слов. Казалось бы, это немного. Однако, судя по сообщению самого автора, в книгу были включены слова, "большая часть которых ныне не употребляется в разговорной речи" (с. 5) и при этом представляет, с точки зрения составителя, определенный историко-этнографический интерес. В итоге такого отбора в словарь не вошли еще около 10 тыс. лексем, которые автор посчитал возможным передать лингвистам для включения в большой хакасско-русский словарь (кстати говоря, до сих пор, к сожалению, неизданный).

Четыре тысячи слов, включенных в "Словарь ..." В.Я. Бутанаева, являются, по сути, настоящей энциклопедией, раскрывающей перед читателями древний, удивительный, во многом загадочный мир хакасской народной культуры. В словаре представлены термины из области социальной жизни различных этнических и территориальных групп хакасов, названия хакасских родов-*сеоков*, имена легендарных героев. Значительный объем составляет терминология, отражающая традиционные хозяйственные занятия хакасов в недавнем прошлом. В.Я. Бутанаеву удалось зафиксировать лексику, позволяющую охарактеризовать мельчайшие детали хозяйственной деятельности, домашних промыслов и ремесел - скотоводства, земледелия, охоты, рыболовства, кузнечного дела, производства домашней утвари, пошива традиционной одежды и многое другое. Автор тщательно проработал также фольклорные материалы с целью извлечения из них архаических лексем: в списке использованных источников мы находим известные издания текстов преданий и эпических сказаний, выходившие в Абакане на хакасском языке.

Особо следует отметить включение в словарь множества терминов, характеризующих традиционное мировоззрение, культы, шаманскую практику хакасов. К сожалению, именно названные области культуры хакасов остались практически неизученными в советской этнографии. Описание отдельных шаманских бубнов, обобщенные описания их устройства и наносившихся на внешнюю сторону изображений, немногочисленные попытки историко-этнографического анализа этих изображений - это, пожалуй, все, что смогли сделать отечественные этнографы в области изучения хакасского шаманизма. Само же это явление, с чем вряд ли кто будет спорить, гораздо более обширно и сложно, нежели шаманский бубен, даже при признании факта чрезвычайной важности этого атрибута.

Лексические материалы "Словаря ..." хорошо это демонстрируют. Здесь можно найти имена множества духов и божеств, сведения о *тѳсях* - духах-помощниках и об *Адам-хане* - главе-покровителе всех шаманов, о духах болезней, различных категориях шаманов, шаманском облачении, многих иных ритуальных атрибутах. Как показывает мой личный опыт работы с хакасскими (сагайскими) представительствами традиционного бытового шаманства², приведенная в "Словаре ..." терминология в ряде случаев облегчает понимание архаичных заговорно-заклинательных текстов, используемых в современной ритуальной практике.

Словарные статьи построены по единому принципу. Некоторые из них - статьи в полном смысле слова и вполне могли бы составить материал для отдельной самостоятельной публикации. Автор снабдил каждое слово подробными историческими и этнографическими комментариями, привел примеры словоупотребления, отрывки из образцов устного народного творчества, в частности, из малых жанров фольклора, примеры употребления слов в героическом эпосе. В тех случаях, когда речь идет о слове, зафиксированном

лишь в каком-либо одном из диалектов хакасского языка, автор специально это оговаривает, что придает еще большую убедительность приводимым им материалам. В "Словаре ..." представлена лексика сагайского диалекта, в том числе его бельтырского говора, качинского диалекта с его иносским говором, диалектная лексика кызыльцев, чулымцев (в терминологии автора - "чулымских хакасов"). Есть здесь и шорские материалы, собиравшиеся В.Я. Бутанаевым как у населения Таштыпского р-на Республики Хакасия, говорящего на шорском диалекте хакасского языка, так и собственно у шорцев в Кемеровской обл.

Во многих случаях автору приходилось решать сложную задачу адекватной передачи смысла того или иного слова на русском языке, прибегая для этого к описательному переводу или даже к транслитерации (снабженной пояснениями).

Возьмем, к примеру, словарную статью, посвященную термину *хам* - "шаман" (с. 176). В ней приведено 26 (!) различных словоформ и примеров словоупотреблений: "шаманская нечисть (от которой шаман болеет)", "с шаманскими задатками", "шаманское берестяное корытце", "шаманское снаряжение", "настоящий шаман (у которого выбита родовая тамга во дворце Адам-хана)", "шаман без снаряжения, камлающий опалехом", "шаман, лечащий от сглаза". "простой шаман (без снаряжения)", "шаман - пожиратель душ, имеющий волчьего тѣся" и др.

В ряде случаев и этих примеров оказывается недостаточно для русскоязычного читателя. Так, все же остается неясным, в чем заключается различие между "снаряжением" и "облачением" шамана. На с. 176 приводятся такие примеры: *тиригліг хам* "шаман в снаряжении", *хам тириин аалладарга кирек* "(новое) шаманское снаряжение необходимо обнести по юртам" (здесь, кстати, можно было бы в качестве пояснения дополнительно указать на хакасский обряд поиска обществом неопита во время хождения по аалам путем примерки костюма старого шамана на потенциальных "избранников духов"): на с. 143 в статье *тириг* "снаряжение, оборудование, инвентарь" встречаем *хам тирии* с переводом "шаманский костюм". Чем же тогда "снаряжение" (если это костюм) отличается от "облачения"? В словаре приводится словосочетание *хуйахтыг хам* "шаман в облачении". В действительности его лучше было бы перевести как "шаман в доспехах", поскольку *хуйах* это именно "военные доспехи" (иногда в словарях и фольклорных текстах встречаются переводы "кольчуга", "панцирь"). Самое важное, как мне кажется, что здесь следовало бы обратить внимание читателей на то, что словосочетание *хуйахтыг хам* применяется, очевидно, по отношению к камлающему шаману, т.е. одетому в "виртуальные" защитные доспехи "иного мира", а не просто к шаману в его реальном шаманском одеянии.

Вся ритуальная лексика, зачастую устаревшая, действительно, чрезвычайно сложна для адекватной передачи ее смысла на другом языке. Это видно не только из приведенных примеров. Недостаток ясности и некоторым иным определениям, как, например, это обнаруживается в случае с терминами *сүрүн* и *сүне* - "минальная часть души умершего" (с. 124, 125).

Эти частные примеры лишней раз свидетельствуют о важности включения в словарные статьи даже мельчайших нюансов значений того или иного, особенно устаревшего слова, не ограничиваясь при этом найденными в русском языке смысловыми соответствиями, даже если они на первый взгляд представляются точными и адекватными.

В связи с последним пожеланием следует еще раз особо подчеркнуть, что путь представления, раскрытия значений архаичной хакасской лексики через обилие примеров словоупотребления в самых различных областях культуры, избранный в данном "Словаре ..." В.Я. Бутанаевым, заслуживает высочайшей оценки. С точки зрения этнографа, именно этот путь позволяет наиболее адекватно представить множественность смыслов, поэтичность, образность и вместе с тем конкретность языка традиционной культуры. Именно при работе с архаичными лексическими пластами, с традиционным мировоззрением народа приходится вести речь не просто о переводе с одного языка на другой. В данном случае мы имеем дело с иным миром, иным мышлением, с тем, что так метко когда-то было названо великим русским этнологом С.М. Широкогоровым "психоментальным комплексом".

Как и в любой работе, автор которой пытается охватить заведомо необъятный по объему и тематике материал, здесь есть и спорные трактовки, и явные неточности. К числу последних я бы отнес, например, весь текст словарной статьи "түлбер". По данным составителя, это слово означает "название подразделения шорцев, живущих в долине р. Томи" (с. 159). Остается непонятным, что означает термин "подразделение" и в какое время тюльберы считались шорцами? Можно было бы спросить, о каких тюльберах идет речь, но, поскольку автор оговаривается ("живущих в долине р. Томи"), то, видимо, речь идет все-таки не о тюльберах междуречья Уюка и Турана IX в., а о тюльберах XVII-XX вв. И все же, почему тюльберы - часть шорцев? Эта группа как самостоятельное этническое образование просуществовала как минимум

до середины 20-х годов XX в., пока, наконец, полностью не ассимилировалась среди русских и телеутов. С последней тюльберкой из сеока Керген, не считавшей себя телеуткой (и уж тем более не шоркой), я общался в самом конце 1980-х годов. В литературе этническая история и культура притомских тюльберов неплохо представлены³ и, вероятно, в данном случае следовало бы, сверив полученные в поле сведения с опубликованными данными, дать в словарной статье чуть более подробный комментарий.

К не самым удачным местам "Словаря ..." я бы отнес и ту часть вступительной статьи автора, где в пылу полемики с работами (а чаще с мнениями, поскольку ссылок на конкретные труды нет) Л.Р. Кызласова он порой использует аргументы, не вполне вписывающиеся в мои представления об академических принципах ведения научных дискуссий.

Резюмируя представление данной работы, надо подчеркнуть, что издание "Словаря ..." В.Я. Бутанаева в целом стало выдающимся событием в отечественной тюркологии вообще и в словарном деле в частности. В редакторском предисловии к "Словарю ..." известный лингвист-тюрколог Б.И. Татаринцев справедливо заметил, что эта работа продолжает отечественную "традицию создания тюркско-русских словарей историко-этнографической направленности" (с. 6). В списке ярких достижений тюркской лексикологии - словарей, составленных Л.З. Будаговым, В.И. Вербицким, В.В. Радловым, Н.И. Ашмариним, Э.К. Пекарским, К.К. Юдахиним - "Хакасско-русский историко-этнографический словарь" В.Я. Бутанаева с полным основанием может занять одно из самых почетных мест. *Примечания*¹ См., например, наиболее крупные работы на русском языке: Бутанаев В.Я. Социально-экономическая история хакасского аала (конец XIX – начало XX в.). Абакан, 1987; *его же*. Этническая история хакасов XVII-XIX вв. М., 1990; *его же*. Топонимический словарь Хакасско-Минусинского края. Абакан, 1995; *его же*. Этническая культура хакасов. Абакан, 1998.

² В октябре-ноябре 2001 г. автору в составе экспедиции ИЭА РАН (вместе с В.И. Харитоновой и Г.Г. Казачиновой) посчастливилось общаться с пожилыми знатоками традиционных ритуальных практик в Аскизском р-не Республики Хакасия - в Верх-Тёе, Аскизе и Верх-Базе.

³ См.: *Потапов Л.П.* Тюльберы енисейских рунических надписей // Тюркологический сб. 1971. М., 1972. С. 145–166; *Функ Д.А.* Бачатские телеуты в XVIII – первой четверти XX в.: историко-этнографическое исследование. М., 1993. С. 55-65, 75, 278-279.

Д.А. Функ